

СТИХОТВОРНЫЙ ТРАВЕЛОГ ДЛЯ ДЕТЕЙ 1920-1930 ГГ.¹

Сюй Чанчан

Аспирант, Московский государственный университет;
 Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Шэньчжэнь, КНР)
 Marina12060621@yandex.ru

THE POETIC TRAVELOGUE
FOR CHILDREN 1920-1930

Xu Changchang

Summary: The article deals with the Russian (Soviet) children's poetic travelogue of the 1920-1930s on the example of poetic stories about foreign and world travels. The material of the analysis are the works of N. Smirnov, V. Mayakovsky, S. Marshak, K. Chukovsky. Such specific features of travelogues as the presence of a through character, the chronological sequence of events, the construction of plots based on the use of documentary material or fiction, informativeness, the presence of a main idea, etc. are revealed. With the help of contrast, detailed elaboration, original imagery, etc., the exoticism of the countries depicted, the specifics of different modes of transportation (train, ship, airplane, etc.), the fundamental differences between the USSR and other countries/regions of the world are shown. The author concludes that the children's poetic travelogue of the 1920s-1930s not only fulfills cognitive and didactic functions, but also solves important social problems.

Keywords: Russian children's literature of the 1920-1930s, poetic travelogue, travel motif, didacticism, V. Mayakovsky, S. Marshak.

Аннотация: В статье рассматривается русский (советский) детский стихотворный травелог 1920-1930-х гг. на примере стихотворных рассказов о зарубежных и кругосветных путешествиях. Материалом анализа стали произведения Н. Смирнова, В. Маяковского, С. Маршака, К. Чуковского. Выявляются такие специфические черты травелогов, как присутствие сквозного персонажа, хронологическая последовательность изложения событий, построение сюжетов на основе использования документального материала или художественного вымысла, информативности, наличия магистральной идеи и т.д. С помощью контраста, подробной детализации, самобытного образного ряда и др., показаны экзотика изображаемых стран, специфика разных видов транспорта (поезда, корабля, самолёта и т.д.), коренные различия между СССР и другими странами / регионами мира. Автор приходит к выводу, что детский стихотворный травелог 1920-1930-х гг. не только выполняет познавательную и дидактическую функции, но и решает важные социальные задачи.

Ключевые слова: русская детская литература 1920-1930-х гг., стихотворный травелог, мотив путешествия, дидактика, В. Маяковский, С. Маршак.

Тема путешествия играет важную роль в литературе, в том числе и в детской. И жанр травелога в современной науке стал центром изучения исследователей. В последние годы появился целый ряд публикаций, в которых затрагивается тема детского травелога. М. Литовская [5] исследует отдельные произведения травелога Агнивцева и Барто в рамках темы Китая и китайцев в русской детской литературе 1920-30 гг.; Ф. Кувшинов [3] рассматривает детский травелог русской литературы 1920-1930-х гг., описывает специфические черты детской литературы путешествий; затем в своей докторской диссертации [4] он выявляет конститутивные черты детского квазиафриканского травелога как одного из механизмов создания мифологической картины мира советской повседневности 1920-1930-х гг. и одновременно ее репрезентанта. Д. Фомин [11] рассматривает книжки-картинки 1920-х – начала 1930-х гг., связанные с темой путешествия, адресованные пионерам. Кроме того, О. Октябрьская [9] обращает внимание на использование В. Маяковским мотива путешествия, выделяет жанр стихотворного экскурсионного путешествия, выявляет своеобразие данной темы в творчестве этого поэта. Однако то, что вошло в сферу интересов большинства исследователей, – это прозаический травелог, адресованный

школьному возрасту. В данной работе предпринята попытка проанализировать стихотворный рассказ-травелог 1920-1930 гг. для детей дошкольного возраста, который отличается энергичностью, лапидарностью, особой концентрацией мыслей, что более привлекательно и легче для детского восприятия, нежели проза.

В травелогe, включая стихотворный, есть сквозной персонаж, выполняющий роль объекта путешествия (объектом может стать даже неодушевленный предмет, к примеру, отправленное письмо), повествователя, свидетеля или активного участника всех происшествий. Кроме того, мотив путешествия от начала до конца выстроен на некоей сквозной идее, вокруг которой развиваются эпизоды, происходящие в хронологическом порядке в тексте художественного произведения, поэтому травелогу свойственно хронологически последовательное, но при этом весьма мозаичное повествование.

Рассказы-травелогии могут быть основаны на документальном материале, как замечает Е. Ефимовский, при этом «источник сюжета травелога – личный опыт путешественника, его осведомленность, знания, с одной стороны, и факты, детали и понимание жизненной реальности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

страны или территории»[2,с.88], а могут быть построены на художественном вымысле, но любые травелоги стремятся «к достоверному изображению «чужого» мира, пропущенного через восприятие путешественника»[6, с.258].

Травелог, как правило, отличается информативностью. Но, кроме этого, детские поэты используют данный жанр еще в дидактических целях, им необходимо не просто представить, но и воссоздать в художественных образах окружающую обстановку, расставив чёткие социально-значимые акценты.

Автор, отправляя своего героя в заграничное или кругосветное путешествие, не только знакомит читателя с окружающей экзотической обстановкой, характерной для той или иной страны, их географическими и геополитическими особенностями, а также транспортными средствами, с помощью которых этот вояж может быть осуществлён. При этом авторы во многом наделяют персонажей-«экскурсоводов» мессианской функцией – они знакомят жителей иных миров с советской идеологией, настаивают на необходимости изменений и точно указывают пути и способы этого. К такому роду произведений о путешествиях героев относятся такие произведения, как «Путешествие Чарли» (1925) Н. Смирнова, «У Леши калоши» (1925) Л. Зилова, «Алешины галоши» (1925) М. М. Шкапской, «Детки-разноцветки» (1927) С. Полтавского, «Малыш Сидорка» (1927) М. И. Андреева, «Ваня в Китае» (1927) Г. Шапошникова, «Почта» (1927) С. Маршака, «Прочти и катая в Париж и в Китай» (1929) В. Маяковского, «Айболит» (1929) К. Чуковского и т.п.

Поэты противопоставляют два мира: СССР и другие страны/регионы, которые антиномичны друг другу как идеал/антиидеал. Так, в травелог В. Маяковского «Прочти и катая в Париж и в Китай» (1929) повествователь выбирает три значимых локуса: Европу, представленную столицей Франции Парижем, Америку, явленную характерными городами США – Нью-Йорком и Сан-Франциско, Азию, чьё своеобразие показано упоминанием Японии и Китая. При этом Маяковский закольцовывает повествование главным, с его точки зрения, локусом мира – Советским Союзом. Кратко, но предельно ёмко обозначены особенности Франции: социальное разделение населения на бедных и богатых. Это представлено не просто как особенность европейской страны, а дифференциальный признак, отличающий буржуазный Париж от того, к чему уже привык читатель, – к социальному равенству у себя в стране. При этом использована гиперболизация и плакатная детализация, характеризующая бедняков и богатеев: «Часть населения худа, /а часть другая —/с пузом» [Маяковский Т.10 1958:258]. Поэт упоминает два города Америки – Нью-Йорк и Сан-Франциско, но в центре его изображения находится первый, который он посетил в 1925 г. Город маркирован высоким уровнем индустриализации, плотным населением, городским пейзажем,

которые для поэта служат некоей эмблемой Америки, её лицом. Фактически поэт рисует своеобразный «портрет» города, включая и его физиологию. Акцент на физиологии Нью-Йорка корректирует взгляд поэта и придаёт ему ироничность: величие города размывается суетливостью его жителей, напоминающих блох, а беззаботность жизни богачей подчёркнута оригинальным сравнением. Таким образом, портрет Нью-Йорка дополнен и усилен изображением его изнанки, которая и раскрывает авторские впечатления о городе и стране в полном объёме.

Азиатские страны маркированы визуальными деталями, которые подчёркнуты другими художественными средствами. Поэт настаивает на физических параметрах как на главной отличительной особенности японцев, наиболее чётко проявляемые с помощью эпитетов: «невелики», «роста маленького», «карликовых» [там же, с. 261] и т.д.

Жанр травелога потребовал выделить доминирующие признаки незнакомой страны, особым маркером которой стал вулкан, представленный с помощью яркого предметного образа – гудящей горы, изрыгающей лаву. Дополняет данный предметный образ визуальная составляющая, усиленная с помощью звукописи, передающей движение лавы: «гора гулка <...> гора вулкан» [там же]. Однако и социальную составляющую поэт не может проигнорировать. Даже угроза извержения вулкана не может остановить трудовой процесс простого японца: «но люди/ не бросают труд. // Нельзя. // Работать надо» [там же].

Тема тяжелого труда звучит и в строках, посвящённых изображению Китая, но автору важнее представить не только социальную палитру этой страны, сколько показать особенности её культурного развития. Это и искусство производства и декорирования фарфора, и кулинарные традиции, обусловленные особенностями аграрного развития страны: «блюдо рисовой каши и чай из разрисованных чашек» [там же].

Связующим звеном между отдельными частями, повествующими о разных локусах, становится неотъемлемая часть жанра травелога – рассказ о тех видах транспорта, на которых передвигается повествователь. Так, предметная деталь указывает на своеобразие самолёта как транспортного средства («По поляне люди ходят, // самолету винт заводят» [там же, с. 257]), а оригинальная мизансцена – на особенности авиапутешествия на машинах особого типа: «Туча нам помеха ли?// Взяли и объехали!//Помни, кто глазеть полез, — / рот зажмите крепко, /чтоб не плюнуть с поднебес /дяденьке на кепку» [там же, с. 258].

Жанр травелога потребовал выявить характерные особенности путешествия по воде: качка, которую передают глаголы движения («качает», «движет», «погоняет»

и т.д.), перебивка ритма и размера; соразмерность предметно-бытовых деталей (волны, ветер, буря – пароход, дом, машина и др.). Красной нитью проходит авторская идея прочности новой машины и её непобедимости волной, ветром, штормом: «Ветер, / бурей не маши нам: / быстро движет нас машина» [там же, с.259].

Путешествие на поезде представлено иначе. Если полет на самолете краткий и эмоционально насыщенный, а страх перед ним компенсируется знанием механизма судна и игрой путешественника, то поездка на поезде не так примечательна. Автор лишь отмечает её протяжённость («Везёт нас поезд целый день», [там же, с.258]) и особенности впечатлений пассажира («то лес, / то город мимо. // И мимо ихних деревень летим...») [там же, с. 258-259].

В своеобразную познавательную игру с ребёнком вступает также Н. Смирнов в стихотворении «Путешествии Чарли» (1924), который обращается к изображению американского актёра Чарли Чаплина. При этом знаковая фигура американского кинематографа теряет свою особую маркированность и предстаёт просто «веселым американцем» [10, с.4]. Данное произведение во многом противостоит травелогам предшествующего времени: фантастико-романтическое начало сменяется изображением жизненного правдоподобия. Кроме того, не сам факт путешествия выходит на первый план, а знакомство с разными видами транспорта, на которых возможно путешествовать. Н. Смирнов представляет как традиционные и хорошо известные виды транспорта: корабль, поезд и т.д., так и инновационные для того времени: подводная лодка, гидроплан. Упоминаются также оригинальные транспортные средства – воздушный шар, подвесная воздушная дорога и т.д. Однако если у Маяковского сюжет и рассказ о разных видах транспорта выстроены в соответствии с логикой путешествия героев, то Смирнову важно показать своеобразие технического прогресса, способствующего наиболее быстрому способу обогнуть земной шар.

Произведение С. Я. Маршака «Почта» (1927) также имеет кольцевую композицию, и повествует о кругосветном путешествии заказного письма, к которому приводит его гонка за адресатом Житковым. Маршак не так подробно останавливается на экзотике, географическом и социальном своеобразии каждой из стран, где побывало письмо, но он использует ряд константных характеристик, вписывающихся в рамки жанровой парадигмы травелога, и одновременно содержащих индивидуальный маркер каждой из этих стран. Это портретная деталь, характеризующая форму почтальона конкретной страны, своеобразие её климата, особенности страны, улицу, на которой должен находиться адресат и т.д. Так, Берлин отмечен городским индустриальным пейзажем,

а Лондон – своеобразным транспортом – автобусами с красочными плакатами на крыше. Все эти европейские города противостоят другому континенту – Америке–, на котором выделена Бразилия. Угол зрения автора смещён в сторону изображения каждого из почтальонов. Маршак достаточно лаконичен в их описании, но при этом выполнена главная задача – представлены индивидуальные портреты каждого из них. Поэту важно выявить самые характерные черты того или иного персонажа, отмеченные с помощью портретных, бытовых и поведенческих деталей. При этом именно деталь помогает не только индивидуализировать персонажей-почтальонов, но и показать их общие черты. Маршак актуализирует также объединяющую роль портретной детали. Так, практически все они носят головные уборы, о котором не упоминается только в связи с бразильским почтальоном. Однако учитывая географические особенности этой страны и указанную климатическую подробность – сильную жару – можно предположить наличие головного убора и у бразильца. Кроме того, в одежде многих почтальонов присутствует синий цвет: «синяя форменная фуражка» [Маршак Т.1 1968: с.88] у ленинградского почтальона, «темно-синий пиджак» [там же, с.90] у немца, «в почтовой синей кепке» [там же, с.91] шагает англичанин. Однако их объединяет не столько цвет формы, которая соответствует мировым стандартам, сколько схожий труд – рутинный, но весьма тяжелый и энергозатратный. В свое время на это обратил внимание М.Л. Гаспаров, который выделил отношение к труду почтальонов в качестве общей характеристичной детали: «Маршаку именно это и нужно было: показать не личные особенности почтальонов, а их общую функцию – почтовый труд» [1].

Показан своеобразный производственный процесс доставки письма. Закольцовывая повествование возвращением и Житкова, и письма в Ленинград, поэт прослеживает фактически кругосветное путешествие героев. Здесь, в отличие от травелога Маяковского, нет акцента на преимуществе какой-либо страны, так как показан, прежде всего, герой-труженик, встречающийся в любой стране.

Жанр травелога скорректирован жанром сказки в стихотворном произведении К. Чуковского «Айболит»² (1929), для которого характерны антропоморфизм, фантастическое начало, особые пространственно-временные координаты. Однако сказочная доминанта не умаляет значимости жанровых элементов травелога. При этом важным оказывается не просто знакомство читателя-ребёнка с особенностями путешествия Айболита в Африку, а именно путь сказочного героя, преодолевающего все препятствия. Герой движется самостоятельно (бежит, ползёт по горам), но и не отказывается от других средств

2 Сказка «Лимпопо» при первой публикации, в журнале «Еж» в 1929 году, называлась «Приключения Айболита», а с 1948 г. — «Айболит».

передвижения и участия волшебных помощников: скачет верхом на мохнатом волке, плывёт на ките, летит на орле. Чуковский акцентирует внимание на средствах передвижения героя, усилив не столько экзотическую составляющую, сколько мотивы преодоления внешних препятствий и героической борьбы с обстоятельствами.

При этом на первый план выдвинут не простой герой-путешественник, изучающий экзотический для себя мир, что было достаточно характерно для литературы того времени (к примеру, творчество Н. Гумилёва), а поистине миссионер, движимый благородной целью спасения африканских жителей. При этом деятельность Айболита не завоевательная, а именно спасительная. Детская адресация помогает сместить акценты с идеологической составляющей на нравственную (Айболит прежде всего врач, поэтому он оказывает помощь всем, попавшим в беду), поэтому К. Чуковский актуализирует способы лечения доктора, которые оказываются весьма необычными, хотя во многом приятными и полезными: шоколад, гоголь-моголь и т.д.

Образный ряд, используемый в сказке, позволяет автору познакомить советского ребёнка с богатой фауной Африки (бегемоты/гиппопотамы, слоны, носороги, страусята, акулы, тигрята³, верблюжата...), что тоже вполне

укладывается в жанровые рамки травелога.

Итак, травелог выполняет прежде всего познавательную функцию, давая читателям сведения о разных странах и регионах мира, а также специализированные знания в определенных областях, к примеру, знакомит с механизмом работы международной почты, особенностями путешествия в разные страны и т.д. Особое внимание авторами уделяется знакомству с разными видами транспорта, которые объединяют все континенты мира в единое целое, но при этом маркированы и индивидуальные особенности каждого. Кроме того, стихотворный травелог выполняет дидактическую функцию. Выбор мест, куда герои отправляются, не случаен – это, как правило, ставшие дружественными азиатские страны, страны африканского континента, Америка, а также европейские государства. При этом авторы сосредотачиваются не столько на изображении пути героев туда и обратно, географических и биологических особенностях изображаемых локусов, сколько на решении конкретной педагогической задачи. Авторы не игнорируют важные для них идеологический и социальный аспекты, выстраивая оригинальную нравственно-идеологическую концепцию о мессианской роли Советского Союза, играющей ключевую роль в единении народов мира и помощи нуждающимся, о преимуществе советского строя и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. аспаров М. Маршак и время // О русской поэзии. СПб: Азбука, 2001. С.410-430 // <http://smarshak.ru/articles/gasparov01.htm?ysclid=lvamf71n3k273193044>
2. Ефимовский Е. Жанровая специфика травелога // Art Logos. № 1 (14). 2021. С. 79-91.
3. Кувшинов Ф.В. О детском травелоге в русской советской литературе 1920-1930-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. Ч. I. 2015. № 7 (49). С. 105-108.
4. Кувшинов Ф.В. Репрезентация повседневности в русской прозе 1920-1930-х гг. Дисс. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2018.
5. Литовская М., Яо Чэнчэн. Китай и китайцы в русской советской детской литературе 1920-1930-х гг. // Детские чтения. 2017. № 1 (11). С. 133-156.
6. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. №3 (37). 2014. С. 254-259.
7. Маршак С. Собрание сочинений в 8 томах. М.: Художественная литература, 1968. 4352 с.
8. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 тт. М.: Гослитиздат, 1955-1961. 7127 с.
9. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920-50-х годов. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2017.
10. Смирнов Н.Г. Путешествие Чарли. М., Л.: Гос. изд. 1925. 24 с.
11. Фомин Д. «Для примера всем пионерам»: тема путешествия в книжке-картинке 1920-х гг. // Детские чтения. 2019. № 2 (016). С. 92-151.
12. Чуковский К.И. Собрание сочинений в пятнадцати томах. М.: ФТМ, Лтд., 2013.

© Сюй Чанчан (Marina12060621@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

3 На самом деле, в Африке нет тигров.